

После Хрущева

Избранный Первым секретарем Брежнев вместе с Подгорным, Полянским и новым главой правительства Косыгиным отпраздновали освобождение Хрущева от должности или, скорее, свое освобождение от Хрущева грандиозной охотой в Завидово с последующим застольем. К ним в компанию напросился и Шелепин, до того на охоту никогда не ездивший. Он подобное времяпрепровождение не уважал, но и боялся оставлять «союзников» без при-
смotra.

В ноябре собрали Пленум ЦК, но не реформационный, как намечал отец, а «реставра-
ционный». Пленум восстановил единые обкомы, упразднил межрайонные производствен-

ные управления и вернул всевластие сельским райкомам. Бюрократия возвращалась к привычно-спокойному существованию.

В благодарность за поддержку Брежнев перевел в члены Президиума Шелеста и Шелепина, кандидатом стал секретарь ЦК Петр Нилович Демичев. Последний – человек Шелепина. В заключение Пленум вывел из ЦК Аджубея, а Полякова лишил звания секретаря ЦК. Ильичева пока не тронули. Отец остался в рядовых членах ЦК, правда, посещать Пленумы ему «не рекомендовали». Он возмущался, но поделать ничего не мог.

Семичастный наконец-то получил вождеденные лампы, его единым росчерком пера произвели из лейтенантов запаса в действующие генерал-полковники.

Перераспределив портфели, «новая власть», как это заведено, взялась за «исправление ошибок» предыдущей администрации, как истинных, так и мнимых. Благо, никакое правительство не обходится без просчетов. Тон задавали, как и прежде, украинцы. 6 ноября 1964 года Шелест в «правдинском» подвале, озаглавленном «В борьбе за подъем сельского хозяйства», объявил, что на днях ЦК КПУ и СМ УССР приняли решение, отменявшее ими же установленные несколько лет назад необоснованные ограничения, накладываемые на личное подсобное хозяйство колхозников, и рекомендовали восстановить размеры приусадебных участков, разрешить содержать в личном пользовании колхозников скот и птицу. Местные органы обязывались содействовать хорошо работавшим в артели труженикам в приобретении кормов.

В общесоюзном масштабе никаких ограничивающих приусадебные участки постановлений не принималось, поэтому ничего и отменять не требовалось. Как я уже писал, отец говорил о целесообразности объединения в единый массив разбросанных по деревне огородов. Тогда и технику можно применить, и агротехнику улучшить, но только с согласия и по воле самих колхозников. Дальше разговоров дело не пошло и, соответственно, на местах, за исключением Украины, тоже ничего не предпринимали. Там не в меру ретивый Шелест приказал приступить к обмеру индивидуальных наделов, чем не на шутку переполошил селян. К счастью, обмерами все и ограничилось. Теперь Шелест исправлял собственные «необоснованные» перегибы.

11 декабря 1964 года отца освободили от председательства в Конституционной комиссии и одновременно поставили крест на самой Конституции с ее альтернативными выборами, ограничением пребывания на высших государственных постах, профессиональным парламентом... В марте 1966 года XXIII съезд КПСС отменит записанные в Устав партии два срока для членов партийных комитетов, переименует «Президиум» ЦК в «Политбюро», а «Первого» секретаря ЦК – в «Генерального» и, естественно, не выберет Хрущева в новый состав Центрального Комитета.

Брежнева, человека слабохарактерного и во всем обязанного отцу, по всей видимости, мучила совесть, постоянно напоминая ему о совершенном предательстве. В силу той же слабохарактерности, он нуждался в допинге, постоянном подтверждении собственной «правоты», что вело к демонизации образа Хрущева. Однако начать открытую антихрущевскую кампанию, к чему призывали Шелепин и Семичастный, он так и не решился. Фамилию Хрущева просто перестали упоминать ни по-плохому, ни по-хорошему. В Крыму село Никита, в котором расположен одноименный ботанический сад и мимо которого Брежнев проезжал по дороге на государственную дачу в Ливадии, чтобы не раздражать Леонида Ильича, переименовали в Ботаническое. Дошло до того, что даже в изданной архивным управлением МИДа переписке отца с американским президентом Эйзенхауэром отправляемые с нашей стороны письма «подписывались» бесфамильным титулом Председателя Совета Министров СССР. Абстрактно судачили о волюнтаризме и субъективизме. Что само по себе, как я уже писал, лишено какого-либо содержания. Волюнтаризм – по существу, способность руководителя принимать решения и брать на себя ответственность, а субъективизм

означает, что этот субъект имеет собственное мнение. Другое дело, применяются эти качества во благо или во вред, но к самому «волюнтаризму-субъективизму» последнее отношения не имеет. Однако эти бессмысленные по своему содержанию ярлыки прижились и вошли в повседневный обиход.

Пошли под нож многотысячные тиражи написанных, вернее надиктованных, отцом сборников выступлений, в том числе и восемь томов о сельском хозяйстве. Выступления отца мне тогда, как и большинству россиян, казались скучными. Я их оценил, только занявшись написанием этой книги.

Да что книги? Их в России, как только автор впадал в опалу, уничтожали всегда. Пропало большинство подарков, преподнесенных отцу, в основном иностранными визитерами. Все, что, по мнению мамы, представляло ценность, она отправляла в ЦК на сохранение. Там под них даже выделили специальное помещение. Когда же отец стал отставником, что-то «прилипло» неизвестно к чьим к рукам, остальное отправили в музеи. Вскоре музейщикам приказали подарки списать «как не представлявшие художественной и исторической ценности».

Но «вычеркнуть» Хрущева из собственной памяти Брежнев так и не смог, до самой смерти продолжал искать оправдание себе и своему поступку, не находил и внутренне все сильнее ненавидел отца.

Серьезно за «доставшееся от Хрущева наследство» взялись весной 1965 года. На открывшемся 24 марта 1965 года Пленуме ЦК Брежнев докладывал о сельском хозяйстве. Выступление получилось бесцветным, без диалога с сидевшими в зале, без привычных для Хрущева примеров и цифр, которые он то и дело, отвлекаясь от текста, извлекал из своей памяти. Читал Леонид Ильич по написанному, не отрываясь, но с выражением, слова произносил четко, не шепелявил. Докладчик напирал на «негатив». В сельскохозяйственном производстве, за семилетку намечали рост на 70 процентов, а получилось только 10. Темп годового прироста валовой продукции в семилетке упал с 7,6 процента (в 1955–1959 годах) до 1,9 процента (в 1959–1964 годах). В 1964 году поголовье крупного рогатого скота по сравнению с прошлым пятилетием сократилось в два раза, уменьшилось поголовье свиней, овец и птицы, удои сократились на 370 килограммов на среднестатистическую корову. Если в 1955–1959 годах урожайность увеличивалась на 1,7 процента с гектара, то в 1960–1964 годах – только на 0,8 центнера.

– После 1959 года рост прекратился! – патетически восклицает Брежнев.

Собственно, ничего нового он не сказал, о том же перед отставкой постоянно твердил и отец. Однако с цифрами Брежнев кое-где напутал, а скорее, чуть подтасовал.

Согласно статистическому сборнику «Сельское хозяйство СССР» (М., 1971), поголовье рогатого скота за 1959–1964 годы не уменьшилось, а возросло с 70,8 миллионов голов до 85,4 миллиона, то же самое и с овцами (129 миллионов в 1959 году и 133,9 миллионов в 1964-м). Количество же свиней действительно уменьшилось с 48,7 миллионов в 1959 году до 40,9 миллионов в 1964 году. Именно в 1964-м! Из-за неурожая в 1963 году их в тот год пустили на мясо. В предыдущем, 1962 году свиное поголовье достигало 70,0 миллионов, потом резко упало и снова начало расти, в 1965-м – поднялось уже до 52,8 миллиона. Свиньи размножаются быстро.

Что касается урожайности зерновых с гектара, то без достаточного количества удобрений она зависит от Бога да от погоды – прольется во время дождик, урожайность подрастет, посушит сушевой – упадет... В большинстве примеров Брежнев отталкивался от 1959 года, первого года семилетки, а по урожайности за исходный взял 1960 год. Все просто: в 1959 году собрали 10,4 центнера с гектара, а в 1960-м – 10,9. Если сравнить 1964 год с 1959-м, прирост получится больше, а с 1960-м – меньше. На самом деле обе приведенные Брежневым цифры от лукавого: за 1955–1959 годы урожайность возросла с 8,4 центнера до 10,4, то

есть на 2 центнера, а с 1959 по 1964-й – на один центнер. Но если сравнить данные 1956 и 1959 годов, то прирост получится всего в полцентнера, а за 1959 и 1965 – она упадет почти на центнер. Так что по делу они не говорят ни о чем.

А вот замедление темпов роста валовой продукции действительно сигнал очень тревожный. Они сократились не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, правда, не столь заметно. Для того чтобы переломить негативную тенденцию, отец и затевал новую реформу.

Однако Брежнев не заикнулся ни о передаче власти на местах директорам-менеджерам, ни о сокращении вмешательства государства в их дела, не упомянул он и о ведущемся уже третий год эксперименте. Во всех бедах докладчик винил «волонтаризм и субъективизм», обещал, что теперь, когда с этим покончено, дела выправятся.

Зерновую проблему Брежнев решал по-простому: начиная с 1965 года и на следующие пять лет до 1970 года предложил снизить лимит закупок зерна государством с 64 миллионов тонн до 54,4 миллиона тонн. И это при том, что по расчетам Госплана для обеспечения нужд населения страны, возрастающего с 229 миллионов в 1964 году до 250 миллионов человек в 1970-м, требовалось собирать 224–256 миллионов тонн зерна и, соответственно, отдавать государству 40 процентов от общего сбора – приблизительно 90 – 100 миллионов тонн. Недостачу в 35–45 миллионов тонн к 1970 году Брежнев предполагал покрывать за счет закупок зерна за границей. В этом – принципиальная разница между отцом, нацеленным на развитие собственных сельскохозяйственных ресурсов, считавшим импорт зерна в 1963 году позором для себя и для страны, и Брежневым, не видевшем ничего зазорного в закупках зерна по миру.

Далее Брежнев предложил увеличить централизованные капиталовложения в сельское хозяйство. Тут он следовал в кильватере за отцом. Это при Хрущеве государство увеличило прямые инвестиции в сельское хозяйство с 985 миллионов рублей в 1953 году до 5 миллиардов 100 миллионов в 1963-м, денежные доходы колхозников за тот же период, соответственно, возросли с 3,8 миллиарда рублей в год до 16 миллиардов, а неделимые фонды колхозов – с 5 миллиардов 444 миллионов до 29 миллиардов 900 миллионов рублей. Все эти цифры в пореформенных, 1961 года, рублях.

Правда, по словам Брежнева, основной рост пришелся на 1954–1958 годы, когда сельскому хозяйству доставалось 11,3 процента централизованных капиталовложений, а в семилетке 1959–1965 годов ему выделялось всего 7,5 процента. Отсюда и все беды.

Отец считал сокращение дотации принципиальным, хватит уповать на государство, пришла пора крестьянам научиться зарабатывать самим. Ведь и в бюджете деньги не дармовые, чтобы кому-то приплатить, приходится у кого-то отбирать. Свое мнение отец основывал на результатах эксперимента Худенко, его совхозы процветали и без дотаций.

Брежнев также посчитал необходимым простимулировать производителей дополнительным повышением закупочных цен на пшеницу и рожь, примерно на рубль за центнер, а в случае продажи зерна сверх плана – еще плюс на 50 процентов. При плане заготовок в 50 с лишним миллионов тонн этот рубль или рубль с полтиной оборачивались в расходной статье бюджета более чем полумиллиардом. Закупочные цены на мясо тоже возрастали на 55–70 процентов. Мера, что и говорить, действенная.

И отец повышал цены – с 97 копеек за центнер пшеницы в 1952 году до 7 рублей 56 копеек в 1963-м, с 2 рублей 3 копеек за центнер говядины до 79 рублей 90 копеек, а за свинину с 6 рублей 72 копеек до 98 рублей. Затем он остановился. (И здесь все цены исчислены в новых рублях.)

Дополнительные деньги брались, естественно, из бюджета, за счет увеличения цен на другие товары. В результате такой чересполосицы производители уже давно не понимали, что на самом деле им выгодно, а что убыточно. Именно поэтому еще в 1959 году договори-

лись переходить на прозрачные цены единого уровня. К 1962 году стало окончательно ясно, что бездумное субсидирование не столько помогает сельскому хозяйству, сколько развращает, запутывает и без того непростые отношения в социалистической экономике. Однако вернуться к естественной схеме взаимоотношений продавца и потребителя оказалось непросто. Всем хорошо запомнилось, что произошло в 1962 году в Новочеркасске, когда Хрущев попытался майское повышение закупочных цен на мясо и молоко сбалансировать июньским повышением розничных цен на те же товары. С событий в Новочеркасске и начался поиск иных форм повышения эффективности ведения хозяйства на селе. Собственно, после них и развернулась дискуссия вокруг прибыли, приступили к подготовке к новой реформе.

К сожалению, Брежнев не очень задумывался, откуда возьмутся дополнительные средства. Он считал – это забота специалистов в Госплане и Минфине с Госбанком. Для того их туда и посадили. Специалисты же тоже не волшебники, они могли лишь по примеру тришкина кафтана, перебросить ресурсы из одних статей бюджета в другие, простимулировать рост в одном месте, замедлив его в обескровленных отраслях, или попросту напечатать деньги, разбалансировав тем самым наличие товаров на полках магазинов с денежной массой, осознанно пойти на дефицит в торговле. Какой тогда избрали путь, я не знаю, наверное, оба.

Еще Брежнев говорил о необходимости увеличения производства сельскохозяйственных машин, об ирригации, по сути, повторял слова Хрущева, произнесенные на двух предыдущих «сельскохозяйственных» Пленумах, предложил, и весьма разумно, взять с колхозов подходящий налог не со всего произведенного валового продукта, а с чистого дохода.

Если абстрагироваться от риторики, то доклад на Пленуме прошел в русле «дальнейшего продолжения хрущевских аграрных реформ, как они замышлялись еще в 1953 году».

Но, как правильно объяснил в докладе сам Брежнев, принципы, заложенные в реформу 1953 года, исчерпали себя уже к 1959 году. Для дальнейшего продвижения вперед требовалось что-то новое, поиском чего и занимался отец последние три года. Как далеко и куда мог зайти Хрущев в своих реформах, остается только гадать, а вот избранный Брежневым путь бюджетных вливаний в сельское хозяйство дал очень кратковременный эффект. Реформа Брежнева напоминала отживший свой срок аккумулятор, зарядку он еще принимает, но уже через час-другой работы перестает давать ток, и теперь уже навсегда.

В заключение 26 марта Пленум решил кадровые вопросы. В члены Президиума ЦК избрали Мазурова и назначили его первым заместителем главы правительства. Тем самым Брежнев сбалансировал Косыгина, ничем ему не обязанного и мало от него зависимого. Устинова, старинного приятеля Леонида Ильича, сделали кандидатом в члены Президиума и перевели в секретари ЦК. Брежнев побаивался ставшего «вторым» напористого Подгорного и на всякий случай решил «разбавить» Секретариат преданным себе человеком. Одновременно из секретарей ЦК, в угоду Суслову, все-таки уволили Ильичева.

Кадровая чистка не затронула «непотопляемого» Микояна. Несмотря на близость к Хрущеву, он сохранил все свои посты, остался членом Президиума ЦК и Председателем Президиума Верховного Совета СССР, что породило массу домыслов о роли Анастаса Ивановича во всей этой истории. Судачили, что он в заговоре не просто участвовал, но и сыграл одну из ключевых ролей – «как надо» провел беседу с Галюковым, развеял подозрения отца, до последнего момента неотступно следил за ним.

Не знаю, что и сказать. Эта теория весьма логична и «подтверждается» фактами, но, на мой взгляд, никак не соответствует сущности Микояна. Скорее всего, Анастас Иванович с первого же момента тщательно рассчитывал каждый свой шаг, чтобы, как это случалось не раз в прошлом, выиграть при любом повороте событий. Так он вел себя в июне 1953-го и в июне 1957-го, такую же стратегию он избрал и в октябре 1964 года. Микоян не сомневался: «умный армянин» пригодится всем. И просчитался. Брежнев в «умном армянине» не

только не нуждался, тот его попросту раздражал, а вот в его месте Председателя Президиума Верховного Совета Леонид Ильич нуждался, и очень. При первой же возможности в конце 1965 года он выпроводил на пенсию, достигшего семидесяти лет Микояна и перевел внушавшего ему постоянные подозрения Подгорного из секретарей ЦК в Председатели Президиума Верховного Совета.

Микоян до конца своих дней убеждал всех, что он ушел сам, не мог и не хотел работать с «этой компанией». Но мы-то знаем цену таким заявлениям вынужденных пенсионеров.

С отставкой отца менялся на глазах общий настрой в стране. Уже 24 ноября Ф. Табеев, секретарь Татарского обкома, в недавно еще реформаторских «Известиях», призвал придать «экономическому поиску научную основу». Он утверждал, что общепринятая оценка эффективности предприятий по нормативной стоимости обработки давно доказала свое право на жизнь, менять ее нет смысла, а разговоры о прибыли просто вредны. Таких статей за подписью секретарей обкомов становилось все больше, звучали они все решительнее. Руководители совнархозов молчали, выжидали, как определится начальство в Москве.

Реформаторы, не понимая, что эпоха реформ заканчивается, тем не менее, продолжали проталкивать свои предложения. Газеты по инерции их публиковали, еще не до конца осознавая, что они идут из хрущевского прошлого. 4 декабря 1964 года Белкин с Бирманом тиснули в «Известиях» новую-старую статью о прибыли как универсальной мере успеха, о «свободных», согласованных с покупателем ценах, об отмене контроля за численностью работников и фонда заработной платы, обо всем том, что еще не стало крамолой, но в отсутствие отца потеряло какую-либо актуальность.

Открывшийся 27 сентября 1965 года Пленум ЦК обсудил вопрос «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании и усилении экономического стимулирования промышленного производства» и подвел итог реформаторству. Докладывал Председатель Правительства Алексей Николаевич Косыгин. Две трети доклада и принятого по итогам Пленума постановления посвящены восстановлению центральных министерств и упразднению совнархозов. Совнархозы с самого начала их образования Косыгину как кость в горле, и даже на исходе своей карьеры, на заседании Политбюро 30 марта 1972 года, он отзовется о них как о «проявлении национализма».

В 1965 году по Москве ходили слухи, что за совнархозы вступился Подгорный, его поддерживали региональные руководители. Подгорный с Косыгиным крепко поцапались. Брежнев держал нейтралитет. Победил Косыгин.

В последней трети доклада он говорил о даруемых директорам свободах, по существу – уступке свергнутому Хрущеву. Но именно эта уступка и прославила Косыгина. Такая расстановка приоритетов в докладе: две трети восстановлению властной вертикали, треть – свободе предприятиям как нельзя лучше отражает сущность реформаторства Косыгина: страсть к порядку, стремление все разложить по полочкам и убежденность, что все заработает само собой, если только не перепутать полочки. Он требовал, чтобы все в государстве делалось согласно иерархии, команды спускались сверху вниз, а доклады об их исполнении шли снизу вверх.

«Косыгин слыл опытным хозяйственником, хотя в нем слишком сильна была жилка администрирования», – свидетельствует, как всегда осторожный, Микоян.

Мне тоже припоминаются некоторые эпизоды из наступавшей эры нового порядка. Так мой шеф, конструктор ракет Владимир Николаевич Челомей, в 1965 году по прямой связи попытался доложить главе правительства об успешном испытании своей межконтинентальной баллистической ракеты. Ракетные конструкторы Королев, Янгель, Челомей, Макеев привыкли звонить отцу сразу после пуска, радовали его очередным успехом или докладывали о неудаче.

Косыгин поднял трубку телефона, безо всяких эмоций выслушал восторженный доклад Челомея и задал единственный вопрос: «Зачем вы все это мне говорите? У вас, что, своего министра нет?» Надо было видеть лицо Челомея.

Позволю себе еще один характерный пример. В 1965–1966 году Челомей задумал первую в мире орбитальную обитаемую станцию «Алмаз». Работа предстояла огромная, с участием сотен предприятий и десятков министерств. Начали готовить постановление правительства. Главный ведущий разработки Володя Поляченко с проектом постановления день за днем объезжал заинтересованные министерства и ведомства, собирал визы. Сбор подписей занял более года. Когда на проекте постановления расписался последний чиновник, первый – свою подпись снял, время ушло. Все предстояло начинать сначала.

Много позже, уже в 1990-е годы, в США, во время ежегодного форума американских славистов, а они объединяют всех от литературоведов до историков техники, я попал на заседание ракетной секции. Подтянутый моложавый подполковник Смит из Военно-воздушной академии докладывал о структуре руководства космическими исследованиями в Советском Союзе. На плакатах квадратиками, соединенными цветными стрелками, обозначилась вся государственная иерархия: председатель правительства наверху, главный конструктор в самом низу, а между ними – лабиринт госкомитетовских и министерских главков. Докладчик безошибочно ориентировался во всех хитросплетениях схемы, но вывод его прозвучал обескураживающе: такая структура неработоспособна. Но структура работала, успехи Советского Союза в космосе тому свидетельство.

Пришлось мне вмешаться, пояснить, что, к примеру, Королев общался не со «своим» клерком в Госкомитете, как того требует схема, а звонил напрямую Хрущеву. В случае одобрения предложений конструктора они вместе продавливали бюрократию и не снизу вверх, а сверху вниз, да еще всем весом первого лица в государстве. Энтропия отступала, и все начинало крутиться.

К чему я это рассказал? Подполковник Смит сообразил, что столь сложная централизованная бюрократическая структура в принципе неработоспособна, а вот Косыгин, к сожалению, этого не понимал в 1965 году и не понял до конца дней своих. Все силы он тратил на усовершенствование бюрократии, встраивание новых вертикалей и параллелей.

У меня к Косыгину-бюрократу и Косыгину-человеку двойственное отношение. О бюрократизме его я уже высказался, в нем корни его личной драмы государственного деятеля. Если же говорить о человеческой порядочности, то я среди знакомых мне политиков высокого ранга, кроме, естественно, отца, назвал бы Куусинена и Косыгина, да в какой-то степени Микояна. Из незнакомых – Николая Ивановича Рыжкова. Больше никто на ум не приходит.

Теперь несколько слов о последней трети реформы Косыгина.

Для начала процитирую Белкина, свидетеля и участника подготовки этого раздела доклада нового председателя правительства. «Сместили Хрущева, и новые руководители страны занялись прежде всего ликвидацией хрущевского наследия – упразднением совнархозов и воссозданием отраслевых министерств, – пишет Виктор Данилович. – Тем не менее, Косыгину, до последнего времени всячески тормозившему реформу, на новом посту пришлось заняться ею. Он создал комиссию во главе с заместителем председателя Госплана Анатолием Васильевичем Коробовым. Заместителями к Коробову назначили бывшего члена комиссии Ваага, заместителя начальника ЦСУ СССР Ивана Степановича Малышева и академика Трапезникова, нашего с Бирманом коллегу и единомышленника. Что было в его силах, Малышев из проекта ГКНТ (о нем я писал в предыдущих главах) сохранил, и в урезанном виде Косыгин его озвучил на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС».

Как это порой случается в жизни, Косыгин, против воли, унаследовал от Хрущева вместе с постом главы правительства и его «ересь». Алексей Николаевич понимал, что от него

ждут стимулирующего экономику решения и одним восстановлением министерской бюрократии не обойтись. Он, естественно, знал об эксперименте и понимал, что полностью его результаты проигнорировать не удастся. Дело зашло уже слишком далеко. Так обстоятельства заставили его приобщиться к «хрущевской реформе». Благодаря этому Косыгин прославился, и совершенно справедливо прославился своей «косыгинской» экономической реформой, давшей, пусть на время, пусть ограниченную, свободу директорам предприятий.

Перечислю кратко уцелевшие после всех утрусок и редактирований осколки от «хрущевской реформы». Сократились спускавшиеся предприятию сверху плановые показатели. Его работу теперь оценивали не только по реализации продукции, но и по прибыли. Предприятию позволили самому распоряжаться сверхплановой прибылью, расходовать ее на премии, развитие производства, улучшение быта работников. По результатам года, если его закончили успешно, всем выплачивали дополнительный месячный оклад, «тринадцатую зарплату», плюс предусматривались еще кое-какие менее значительные свободы и льготы.

Дарованная директорам предприятий «воля» ограничивалась утвержденным наверху, в министерствах и Госплане, объемом реализации продукции, ее номенклатуры, фондом заработной платы, суммой еще только предполагаемой прибыли и будущей рентабельности, суммой обязательных платежей в бюджет и получаемых из бюджета ассигнований, а также объемом централизованных капиталовложений, планом по освоению новой техники, основными показателями материально-технического снабжения. В результате от намерений отца свести отношения предприятия с государством к отчислению последнему заранее оговоренной части прибыли, в косыгинской реформе остались рожки да ножки.

Прочитав доклад Косыгина, академик Трапезников горько пошутил: «Если из лучших швейцарских часов вынуть пару колесиков, они перестанут показывать время». Так произошло и с реформой, к сентябрю 1965 года из нее выковыряли не одно «колесико».

Одной из самых чувствительных потерь стал окончательный отказ от «цен единого уровня», предусматривающих прозрачные отношения производителя и потребителя, возврат к «сталинской» схеме «перекрестного опыления» отраслей, волюнтаристского, не побоюсь этого слова, перераспределения центром ресурсов от эффективно работающих предприятий к убыточным. Уже одно это ставило крест на стратегических перспективах реформы.

Когда изобретатель «цен единого уровня» профессор Белкин сунулся к вновь назначенному в октябре 1965 года председателю Госплана Байбакову со своими предложениями по реформе цен, тот, не дослушав, буквально выгнал его из кабинета. Больше Белкин ни в Госплан, ни в Совмин не совался. Ему оставалось только делиться своими обидами с нами, его коллегами по Институту электронных управляющих машин.

В промышленности Косыгин еще попытался что-то предпринять. В сельском хозяйстве – об экспериментаторе Худенко старались не вспоминать. Из трех совхозов ему оставили один, «Акчи», куда его и перевели на постоянную работу экономистом. В 1987 году «Литературная газета» в статье «Драма Акчи» проследила трагическую судьбу Акчи, самого Худенко, затухания, столь многообещающих в 1962–1964 годах начинаний. Худенко, вместе с директором совхоза корейцем Михаилом Васильевичем Ли, еще как-то держались до конца 1960-х годов. Потом все пошло под откос. В июне 1970 года совхоз ликвидировали, по официальной версии за убыточность. Что на самом деле происходило в июне 1970 года, запомнил один только Белкин, и не только запомнил, но и записал.

– Эксперимент в Акчи следует срочно прекратить. Сейчас июнь, в августе-сентябре Худенко реализует продукцию, получит прибыль, тогда с ним не совладать, – «беспокоился» на заседании коллегии Минсельхоза Казахстана начальник планово-экономического отдела Е. Закшевский.

– Немедленно арестовать счет хозяйства в банке, – дал команду министр М. Г. Рогинец.

Счет арестовали, на нем, еще до реализации урожая, оказалось 2,1 миллиона рублей, при том, что до Худенко вся «стоимость» совхоза не превышала 1,6 миллиона. Но это уже никого не интересовало. Худенко обвинили в экономических прегрешениях, исключили из партии «за хищения». В 1973 году его посадили в тюрьму. В 1974 году, через три года после смерти отца, Худенко умер в колонии.

Такая вот печальная история.

Тем не менее, несмотря ни на вынутые колесики, косыгинская реформа как-то работала, по крайней мере в первые три года. В результате 8-я пятилетка 1966–1970 годов по темпам роста оказалась самой «успешной за послевоенные годы», общий прирост национального дохода составил 41 процент. Для сравнения: 32 процента в 7-й и 28 процентов в 9-й пятилетках. «Реальные доходы населения в 8-й пятилетке увеличились почти на треть, а в предыдущей семилетке только на двадцать процентов», – констатирует Белкин.

В мире циркулируют и иные цифры, советские историки говорили о 78-процентном росте советской экономики в 8-й пятилетке, американское ЦРУ оценивало увеличение национального советского продукта в 5 процентов.

«Уже через год, то есть к концу 1966 года стала очевидной необходимость развития реформы экономики, что в условиях возрожденной административно-командной системы оказалось невыполнимым. В 1968 году реформу спустили на тормозах, наиболее последовательных реформаторов, «адептов рыночного социализма», подвергли остракизму, но на сей раз обошлось без репрессий», – подводит итог реформаторству 1960-х годов профессор Виктор Данилович Белкин.

«Отход от политики децентрализации, возвращение к старой, министерской схеме обрело экономику Советского Союза на медленное угасание: 5,7 процента роста в 1971–1975 гг. (3,1 по данным ЦРУ), 4,3 процента (2,2) в 1976–1980, 3,6 процента (1,8) в 1981–1985 и 3,2 процента (2,2) в 1986–1987 гг.», – подтверждает выводы Белкина американский профессор Евангелиста.

После 1987 года началась агония.

Оно и не могло получиться иначе. Косыгинская реформа попыталась сочетать несочетаемое: восстановление всевластия министерств с предоставлением свободы полностью от них зависящим предприятиям. Косыгин, сам того не желая и не понимая, сделал экономическую систему нестабильной. Чтобы выжить, она неизбежно должна была скатиться или к централизованному министерскому, или децентрализованному директорскому, неповско-рыночному, устойчивому состоянию.

Последствия сделанного выбора не ограничивались одной экономикой. Освобождение директоров от всевластия министерств неизбежно привело бы к демократизации всего общества. Так появление «третьего сословия» в западноевропейских государствах преобразовало их, насильственно или мирно, из абсолютных монахий в парламентские государства. Наше «третье сословие» – директора, обрета экономическую свободу, не могли бы не потребовать четко зафиксировать в законах, в Конституции, свои права, четко обозначить взаимоотношения с политической властью. А это и есть фундамент демократии.

Выбрав «порядок», предпочтя министерскую вертикаль, Косыгин своими руками обрек реформу на поражение и вместе с ней похоронил надежды на демократизацию советского общества.

Своеобразным памятником косыгинской реформе стали глыбы-книги административных зданий на Новом Арбате. То есть они только после косыгинского Пленума стали административными, а до того проектировались как жилые многоэтажки с двухэтажными квартирами улучшенной планировки.

После реформы возник «дефицит» в десятки и даже сотни тысяч квадратных метров нежилой площади для размещения множества новых министерств, тысяч и тысяч новых

чиновников. Естественно, в центре Москвы. Косыгин приказал срочно перепланировать новостройки на Новом Арбате под министерства. Переделка влетела в копеечку, но перед затратами не остановились, новорожденные министерства требовали жизненного пространства, настал час торжества бюрократии.

Примерно через год чиновники оккупировали «свои» многоэтажки, по вечерам дома-книги смотрели на проспект угрюмой слепотой нежилых окон. Только по праздникам, 1 Мая и 7 Ноября, министерства «оживлялись», выборочно в кабинетах зажигали свет, и получалось слово из четырех букв: КПСС или СССР.

«Косыгинская реформа» по своей сути лишь «афтершок» уходивших в историю «хрущевских» реформаторских замыслов. Этим она и знаменательна. После нее наступил «застой». Он сопровождался бездумным и безумным расточительством.

Вслед за сельским хозяйством Брежнев принялся «исправлять» и другие допущенные Хрущевым «перекосы». Приступили к «восстановлению» надводного военного флота, стратегической авиации, сухопутных войск. В отличие от отца, Леонид Ильич денег не жалел и о глубине государственного кармана не задумывался. Ему хотелось ублажить всех, особенно военных, а последние настаивали на сбалансировании каждый «своего» рода войск с американскими.

Общая численность Вооруженных сил постепенно выросла с двух с половиной до пяти с половиной миллионов человек, то есть вернулась к «сталинской» цифре 1953 года. На верфях закладывались все новые и новые подводные лодки, эсминцы, крейсера и даже авианосцы. Военные самолеты всех классов считали на тысячи. К концу 1980-х годов, их число, как и танков, перевалило за сорокатысячную отметку. Атомных пушек произвели более семи тысяч, тогда как отец считал возможным ограничиться всего двумя, не тысячами, а просто двумя, – одной пушкой и одним минометом. Провозя их по Красной площади во время праздников, он демонстрировал противникам наши возможности и одновременно не позволял транжирить ресурсы.

Неоправданно раздувались и ракетные войска. Известно, что отец благоволил к ракетчикам, но мало кто знает, что потолок роста ракетных войск стратегического назначения он ограничил примерно пятьюстами межконтинентальными ракетами с пятьюстами ядерными боеголовками, способными, по расчетам Генштаба, полностью разрушить инфраструктуру США. По его мнению, это исключало возможность нападения на нас, а значит, и необходимость производства перечисленных выше обычных вооружений.

После Хрущева возобладала теория первого удара по пусковым позициям. Чтобы вывести из строя наши пятьсот ракет, американцы, по мнению этих теоретиков, запускали тысячу своих, для нейтрализации их тысячи наши ракетчики заказывали уже две тысячи, а они в свою очередь – четыре, и так без конца. Наши вместе с ненашими, «помогая» друг другу, обкусывали каждый свой бюджет, как обкусывают пирог дорвавшиеся до него крысы. Естественно, чем пирог меньше, тем скорее ему приходит конец.

В 1961 году, покидая Белый дом, президент Эйзенхауэр предостерег своих сограждан, что если военно-промышленный комплекс дорвется до реальной власти, то стране, неважно какой, США или СССР, грозит катастрофа. Первой погибнет та, у которой экономика окажется слабее. Стремясь сбалансировать всё и вся, флот с флотом, военно-воздушные силы с военно-воздушными силами и так далее, обе стороны тратили на «оборону» примерно одинаковые суммы, а вот в процентном отношении к размерам экономики страны военные затраты Советского Союза значительно превышали американские. В результате деньги, которые отец рассчитывал потратить с пользой, на которые собирался «строить коммунизм», вылетали в трубу, год от года магазинные полки пустели, пока не опустели окончательно. В 1980-е годы двадцать процентов семей продолжали стоять в очереди на улучшение жилищных условий. Расходы на здравоохранение сократились с шести процентов от общего наци-

онального продукта в 1960-е годы, до трех в начале 1980-х годов, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Положение усугублял «праздничный» характер Брежнева, не утруждавшего себя ни беседами с заумными академиками, ни диктовкой бесконечных записок. Помощники зачитывали ему проекты написанных речеписцами выступлений или представленных чиновниками законов, он их иногда выслушивал, а бывало, капризно просил не портить настроение. Карен Брутенец, заместитель заведующего Международным отделом ЦК и один из многочисленных брежневских спичрайтеров, так вспоминает о своей «работе» с Брежневым в Завидово: «Брежнев все больше времени уделял охоте, занимаясь государственными делами в перерывах между загонами на зверя. Однажды понадобилось решить неотложный вопрос. Брежнев ужинал после удачной “засады” на кабана. И тут, на свою голову, его помощник Александр Михайлович Александров-Агентов, его тоже пригласили к столу, заговорил об огромном влиянии Японии в современном мире. Естественная тема разговора в обществе государственных мужей. Однако Брежнев впал в сильнейшее раздражение, резко отчитал Александра Михайловича за то, что тот не дает спокойно поужинать».

В другой раз, тоже в Завидово, тоже во время трапезы, Леонид Ильич отчитал другого помощника, посмеявшегося беспокоить его «бумажками». «Нет от вас никакого покоя!», – возмутился он, не читая бросил их на пол и вернулся к обсуждению удачного выстрела.

Если проводить параллели с предреволюционной Россией, Брежнев – это советский Николай II – безвольный самодержец всея Руси. Они оба больше интересовались охотничьими трофеями и прочими развлечениями, чем лежавшей у их ног страной. Как Николай II в своем дневнике перечислял убитых на утренней прогулке ворон и подсчитывал кубические сажени распиленных им дров, так и Леонид Ильич лично составлял списки, кому из друзей отправить фельдсвязью куски ляжки застреленного им кабана. Из таких эпизодов и состояла жизнь обоих российских «самодержцев», добрых к своим близким, но равнодушных к стране... И Брежнев, и Николай II, сами того не желая, сделали все возможное и даже невозможное для уничтожения собственной страны. Оба они, такие мягкие и податливые в умелых женских руках, вдруг упирались, не желая слушаться ничьих разумных советов, ни Сергея Витте, ни Петра Столыпина, ни Геннадия Воронова, при первой возможности избавлялись от непрошенных и «надоедливых» советчиков. А страна тем временем, все ускоряясь, катилась под откос, все глубже погружалась в энтропийный хаос, всегда заканчивающийся взрывом, революцией. Ни Владимир Ленин без Николая II, ни Борис Ельцин без Леонида Брежнева никогда бы не оказались там, куда их вознесло разрушительное правление их предшественников.

Брежнев с Косыгиным за два десятилетия непомерными и бессмысленными тратами обескровили экономику, и все мы получили то, что получили. В октябре 1964 года россиянам в самом кошмарном сне не могло привидеться, что, отказавшись от реформы, Советский Союз проиграет все: экономическое соревнование с Западом, холодную войну и, самое главное, профукает собственную страну, пустит по ветру становившееся все более осязаемым благосостояние людей.

Осознание причин происшедшего наступит еще нескоро, возможно, вообще не настанет, а на кого взвалить собственную вину и ответственность всегда найдется. Было бы желание.